

The background of the cover is a detailed illustration. In the center, a young man with dark hair and a serious expression wears a black flat cap and a dark jacket with white stripes on the sleeves. He is surrounded by a dense crowd of various alien species, including green-skinned creatures, blue-skinned beings, and others with different head shapes and colors. In the upper portion of the image, several large, dark, saucer-shaped spacecraft are flying against a dark, starry sky. The overall tone is dramatic and sci-fi.

РУСЛАН БАСАРГИН

КОДЕКС КЕПКИ

путь к звёздам

18+

Руслан Басаргин

Кодекс Кепки. Путь к звездам

<https://litres.ru/74305219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Валера «Вал» чёткий пацанчик с района, хозяин двора, но что будет если он внезапно окажется товаром на космическом невольничьем рынке? Какой путь он изберёт? Ведь он понимает, что сила и ловкость вовсе не главное - главное это авторитет, и его нужно завоёвывать. А вот какие приключения ему для этого нужно пройти, и рассказывается в этом романе.

Содержание

Глава 1. Абдукция у подъезда	4
Глава 2. Товар на невольничьем рынке	19
Глава 3. Трёп против гипноза	34
Глава 4. Искусство не убирать	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Руслан Басаргин

Кодекс Кепки.

Путь к звездам

Глава 1. Абдукция у подъезда

Вечер в подмосковном Шеметово был тем самым временем суток, когда дворы оживают особой, сонной жизнью. Солнце уже спряталось за панельными гигантами, оставив после себя лишь грязновато-розовую полосу на западе. Воздух, днём прогретый до состояния лёгкого марева над асфальтом, теперь остывал, пахнул пылью, тополиным пухом и сладковатым дымком от чьих-то шашлыков за гаражами. Где-то за спиной, за забором, гавкала собака — монотонно, без злости, просто потому что вечер. На асфальте перед подъездом, тем, что с выбитым стеклом в двери, ещё сохранились нарисованные мелом классики. Линии уже стёрлись, но углы квадратов ещё угадывались, как память о дневных играх.

Именно у этого самого подъезда, на холодный бетонный выступ первого этажа, опирался спиной Валера Ковалев, известный во дворе как просто Вал.

Он сидел на корточках — не потому что устал, а пото-

му что это была поза. Поза наблюдателя, поза человека, который контролирует территорию, не прилагая к этому видимых усилий. Колени торчали в стороны, руки свободно лежали на них, спина была прямая. Чёрная бейсболка с потрёпанным козырьком была надвинута на самые брови, а из-под неё выбивались короткие, непослушные волосы, торчащие в разные стороны. На нём был его стандартный «доспех»: старый, но чистый чёрный спортивный костюм с тремя белыми полосками. Униформа. Его щит и меч.

Прямо перед ним, на покосившейся лавочке, велся спор. Не просто спор — философская дискуссия вселенского масштаба.

— Я тебе тысячу раз говорил, — сипел Пашка «Скльпель», худой, как вешалка, парень с пронзительными глазами, вечно сжимавший в руке что-то острое. Сейчас это был ключ от дома, которым он тыкал в воздух, как стилетом. — Терминатор! Он же железный! Его не остановить! Он программу выполняет, он целеустремлённый! Рэмбо — он просто мужик с пулемётом, его штык-ножом можно ткнуть, и всё!

— Дурак ты, Пашок, дурак, — лениво, с набитым ртом, бубнил Вован «Шпон». Крупный, мясистый, он занимал две трети лавочки, медленно пережёвывая булку с сосиской. — Рэмбо — он душевный. Он один против всех пошёл. Он за правду. А твой Терминатор — бездушная железяка. Его даже вилкой в розетке можно закоротить — и кыш, нету тво-

его героя.

Пашка аж подпрыгнул.

— Какая вилка?! Какая розетка?! Он в расплавленном металле выжил! Ты фильм вообще смотрел или только жрал?

— И смотрел, и жрал, — невозмутимо ответил Вован, откусывая ещё кусок. — И знаю, что человек всегда круче машины. По понятиям.

«По понятиям» — это был аргумент, не требующий возражения. Но Пашка был из породы тех, кто возражения требует всегда.

— Какие понятия?! — взвизгнул он. — У нас тут научная фантастика! Кибернетика! А ты мне про душу...

Валера наблюдал за этим спектаклем, не шевелясь. Уголок его рта дёрнулся в едва уловимой усмешке. Вся его вселенная сейчас помещалась здесь: эти три панели асфальта, покрашенная зелёной краской лавочка, подъезд за спиной и фонарь над ним, который мигал с раздражающей регулярностью, будто подмигивая происходящему. Здесь он был царём. Не потому что сильнее всех — хотя драться он умел отлично. Не потому что умнее — школьные учителя давно махнули на него рукой. А потому что умел говорить. Вернее, гнать. И его слушались.

— Хватит базара, — сказал Валера тихо, даже не повышая голоса.

Но сказал он это с такой интонацией, с какой полководец отдаёт приказ перед атакой. Пашка замолчал на полуслове,

а Вован перестал жевать, замер с полной щекой.

Оба посмотрели на Вала.

Валера медленно поднял голову, и свет мигающего фонаря упал на его лицо: крупные, добротные черты, нос «картошкой», который в пятнадцать лет ему сломали в разборке за велосипед и который сросся слегка криво, придавая физиономии выражение вечной, немного пьяной заинтересованности. На скуле тускло белел старый шрам — не драка, просто упал с забора, но он лелеял его как боевую награду. Серые глаза, хитрые, с постоянным прищуром, изучали дружков.

— Рэмбо, — произнёс Валера весомо, — он, конечно, душевный. Один в лесу, с ножом, против целой армии. Уважаю. Мужик. Но...

Он сделал драматическую паузу, достал из кармана костюма поломанную зубочистку и начал ковырять в зубах.

— Но Терминатор — это вам не просто железяка. Это аппарат. Он пришёл из будущего. У него задача. Он её выполняет. Без соплей, без эмоций. Чистая работа. Это, братва, профессионализм высшей пробы. Рэмбо — он для души. А Терминатор — для дела. И чтобы его вилкой закоротить... — Валера флегматично посмотрел на Вована, — его сначала надо догнать. А он, между прочим, бежит быстрее машины. Ты, Вован, от дивана до холодильника без одышки добежишь?

Вован покраснел и обиженно хрустнул булкой.

— Я не про бег, я про принцип!

— Принцип у них один, — философски заключил Валера, выплюнув зубочистку. — Выжить и сделать своё дело. Просто методы разные. Один — художник, другой — сантехник. Оба нужны. Спор беспонтовый.

Внутренний монолог Валеры тек плавно и самодовольно: «Вот же ж трава эти кенты. Сидят, пыль гонят, а жизнь мимо проходит. Хорошо, что я тут, порядок навожу. Без меня бы они тут друг друга за спорами сожрали. Чувство, будто табуном управляешь. Только табуны умнее».

Казалось бы, инцидент исчерпан. Но Пашка, нервный как оголённый провод, не мог так просто сдаться.

— Значит, по-твоему, сантехник круче художника? — вскричал он.

Вован, почуяв продолжение банкета, оживился:

— Да! Ты чё, Вал, искусство прешь?

Конфликт назревал с новой силой. Вован даже приподнял свою тушу с лавочки, крошки от булки посыпались на асфальт. Пашка в ответ сжал ключ так, что костяшки побелели.

И тут Валера совершил свой коронный трюк. Он не закричал. Не встал. Он просто медленно, с театральным вздохом, процитировал строчку из старого боевика, который они все знали наизусть. Произнёс её низким, спокойным голосом, полным непререкаемой уверенности:

— «Спор — это когда каждый остаётся при своём мнении. А драка — это когда у кого-то его отбирают. Вы мнения свои

хотите потерять?»

Повисла тишина. Даже фонарь на секунду перестал мигать. Пашка разжал пальцы, ключ со звоном упал на асфальт. Вован тяжело опустился обратно на лавочку, отчего та жалобно скрипнула.

Они успокоились. Авторитет был непоколебим. Закон двора работал.

«Вот так-то, — ликовал про себя Валера. — Словом, а не кулаком. Хотя кулак тоже лишним не бывает. Но пока и так сработало. Чувство — будто на троне сидишь. Только трон бетонный и в подъезде пахнет кошачьим».

Время тянулось лениво. Обсуждали новые кроссовки, которые якобы видели у пацанов из соседнего двора («китайская подделка, в натуре, полосы кривые»), вспоминали, как в прошлое воскресенье чуть не подрались с командой из-за футбольного поля («нормас разошлись, по понятиям»). Небо окончательно потемнело, стало бархатно-чёрным, в нём замигали первые, бледные звёзды. Их тут, в свете городской зари, было видно всего несколько штук. Валера иногда на них смотрел — без мыслей, просто так. Какие-то далёкие точки. Как гвоздики, вбитые в потолок мира.

В животе у него предательски заурчало. Обед был давно, а булка Вована выглядела всё привлекательнее.

— Чё базарить-то, — наконец провозгласил он, поднимаясь с корточек. Суставы хрустнули мелодичным караоке. — Пошли доширак закинуть. А то желудок на бунт поднимает.

— Поддерживаю, — тут же отозвался Вован, сметая последние крошки.

Валера отряхнул штаны, похлопал себя по карманам, проверяя содержимое. Мелочь звенела бодро. В кармане зашуршал пластик — та самая, легендарная пачка «Доширака» с говяжьим вкусом, его главный стратегический резерв на случай внезапного голода.

— Погнали, — кивнул он, и троица двинулась в сторону углового ларька «Продукты-24», чьё жёлтое освещение манило сквозь сумерки как маяк для всех окрестных голодных душ.

Валера шёл чуть впереди, привычной развалистой походкой человека, который никуда не спешит, потому что весь мир уже у его ног. Он копался в кармане, выуживая монетки, мысленно прикидывая, хватит ли на три порции, или придётся занимать у Вована. «Хотя у Вована всегда есть. Он как скаред, копит. На чёрный день. А чёрный день у него — это когда закончилась еда в холодильнике».

Он оторвался от дружков на пару шагов, погружённый в финансовые расчёты, как вдруг... двор изменился.

Не сразу. Сначала просто стало очень светло. Не так, как от фонаря. Фонарь давал жёлтый, тёплый, пыльный свет. А это был свет холодный, сиреневый, мерцающий. И он шёл сверху.

Валера поднял голову, шурясь.

Над крышей пятиэтажки, прямо над трубой, откуда обыч-

но валил безобидный серый дым, висело фиолетовое пятно. Оно было похоже на огромную медузу, сделанную из энергии: переливалось, пульсировало, от него во все стороны расходились волны какого-то едва слышного, низкого гудения. Этот гул нарастал, заполняя всё пространство, заглушая лай собаки и далёкий гул трамвая.

— Э... пацаны, — неуверенно обернулся Валера. — У вас там в булке чего не того не было? А то у меня перед глазами...

Он не успел договорить. Фиолетовая медуза вдруг вытянулась вниз плотным, сконцентрированным лучом. Он был похож на столб из жидкого аметиста. И этот столб накрыл Валеру с головой.

Ощущение было страннейшее. Не больно. Не страшно. Как будто его вдруг окунули в тёплую, густую газировку. Тепло стало невесомым. Ноги мягко оторвались от асфальта. Пачка доширака выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим шлепком упала на землю, последняя связь с реальностью.

Реакция Валеры была мгновенной и абсолютно в его стиле. Паники — ноль. Возмущения — море.

«Опера! — пронеслось в его голове. — Налоговая с новой приблудой! Или ОМОН! Читал в интернете — у них теперь лазеры для разгона толпы! Но я ж один! И я не толпа! Нарушение прав!»

— Э, мужики! — заорал он в сияющую пустоту над голо-

вой, уже медленно поднимаясь к крыше. — Нельзя так! Конституция нарушается! Презумпция невиновности! Я мирно шёл, лапшу покупал! У меня свидетели есть! Пашка! Вован! Вызовите адвоката! Пусть ордер покажут!

Он пытался размахивать руками, но они двигались медленно, как в плотном киселе. Внизу, на земле, застыли две фигурки. Пашка с раскрытым ртом и выпученными глазами, Вован с недоёденной булкой, замершей на полпути ко рту. Они смотрели вверх, на товарища, парящего к небу в столбе фиолетового света.

— Ва-а-а-лера! — донёсся до него тонкий, истеричный голос Пашки.

— Летишь... — пробурчал Вован, и булка наконец выпала из его руки.

А потом крыша приблизилась, резко поплыла навстречу, и чёрный провал вентиляционной шахты поглотил его. Последнее, что он видел, — это жёлтый свет ларька «Продукты-24» и маленькую белую пачку на тёмном асфальте.

Переход из фиолетового сияния в полную темноту был мгновенным. Не было ни звёздного тоннеля, ни полёта сквозь галактики. Был хлопок, как от лопнувшего воздушного шарика, уши заложило, и его жёстко, без всяких церемоний, швырнуло на холодную, ребристую металлическую поверхность.

— Ой, блин! — вырвалось у Валеры, когда он приземлился.

ся на бок. Больно стукнулся локтем и бедром. — Аккуратней можно, я ж не багаж! Хамло!

Он откашлялся, сел, потирая ушибленные места. Глаза постепенно привыкали к полумраку. Он находился в какой-то камере. Небольшой, метров пять на пять. Стены, пол и потолок были из серого, матового металла, который отдавал лёгким, едва уловимым пульсирующим светом, будто по нему бежали токи низкого напряжения. Воздух пах... странно. Озоном, как после грозы, и чем-то ещё, сладковато-кислым, совершенно неземным. Было прохладно. И тихо. Так тихо, что в ушах звенело от этой тишины. Только где-то в глубине, сквозь металл, доносился низкий, ровный гул — будто работал гигантский холодильник или летел самолёт.

«Ну вот, — подумал Валера, оглядываясь. — Ментовский спецфургон новенький. На ремонт денег нет, а на такие штуки — есть. Бюджет пилят».

Он поднялся на ноги, отряхнул спортивный костюм. Кепка, слава всем силам, осталась на месте. Он поправил её, придавив козырек, — жест успокоения. Всё в порядке. Кепка на месте — значит, и он на месте.

Камера была пуста. Ни стула, ни унитаза, ничего. Только в одной из стен была дверь. Вернее, не дверь, а решётка из толстых, тёмных прутьев. За решёткой — коридор, слабо освещённый тем же пульсирующим светом.

И в этом коридоре стояло нечто.

Валера присмотрелся. Спиной к нему, метрах в трёх от ре-

шётки, стояла... фигура. Примерно его роста, но шире в плечах. На ней была какая-то грубая, темная одежда, похожая на комбинезон. А голова... голова была не человеческая. Она была вытянутой, покрытой крупной, похожей на змеиную, чешуёй зеленовато-бурого цвета. Из-за спины существа доносился противный, чавкающий звук. Оно что-то ело. Что-то большое, сочное и, судя по звуку, хрустящее.

«Ну да, — мысленно фыркнул Валера. — Охранник. В костюме. Наверное, психологическое давление. Хотят запугать, чтоб сознался. А в чём сознаваться-то? В том, что на детской площадке урну опрокинул? Или что у Артёма из девятого подъезда велосипед на полчаса «одолжил»? Смешно».

Он подошёл к решётке, ухватился за холодные прутья. Металл был приятно прохладным.

— Э, зеленый! — громко, с наездом, крикнул он. — Ты че, затычку проел? Или тебя на работу глухонемых наняли? Поворачивайся сюда, когда с тобой старшие разговаривают!

Существо замерло. Чавканье прекратилось. Медленно, очень медленно, оно повернулось.

И Валера увидел лицо. Вернее, морду.

Вытянутая, чешуйчатая голова с гребнем из жёстких шипов от лба к затылку. Два больших, янтарно-жёлтых глаза с вертикальными зрачками, как у кошки. Плоский нос с двумя щелями. И большой, безгубый рот, в котором оно сейчас держало недоеденную конечность какого-то существа,

покрытую хитиновым панцирем. Сок капал на комбинезон.

Глаза охранника сузились. Он выплюнул остаток еды на пол — та с глухим стуком отскочила в сторону — и сделал шаг к решётке. Его движения были плавными, немного механическими.

— Шшшш-ш-что? — прошипело оно. Голос был низким, скрипучим, будто два камня терлись друг о друга. Но говорило оно на русском! Пусть и с чудовищным акцентом, будто слова выковыривала из горла лопатой.

«Ага, — торжествовал внутренне Валера. — Значит, моя. Наши опера. Костюм, конечно, крутой. Голливудский уровень. Денег, видать, отмыли немало».

— Что, что, — передразнил Валера. — Освобождения требую. По какому праву? Основания? Ордер? Адвоката! И «Сникерс» мне дайте, я с утра не ел! А то на вас управу найду, в прокуратуру накаатаю! У меня дядя в ГИБДД работает!

Охранник склонил голову набок, как собака, слышащая странный звук. Его вертикальные зрачки расширились, потом снова сузились. Казалось, он не столько понимал слова, сколько улавливал интонацию. А интонация у Валеры была одна — наглая, требовательная, полная уверенности в своей правоте. Тон, каким говорят с младшими, провинившимися подчинёнными.

— Ты... груз, — проскрипел охранник, тыча в его сторону толстым пальцем с коротким когтем. — Молчать. Ждать.

— Какой ещё груз?! — вспылil Валера. — Я личность!

Гражданин! Валера Ковалев! Я старший... — он на секунду запнулся, но тут же нашёлся, — ...района! Ты меня за кого принял? Я не какой-то там «груз», я человек! Понимаешь? Гомо сапиенс! Венец творения!

Охранник, которого, как выяснилось, звали Кри (по крайней мере, так было написано на потрёпанном жетоне на его груди), казалось, был окончательно сбит с толку. Обычно «груз» мычал, плакал, пытался сжаться в комок. Этот же орал, требовал «Сникерс» и называл себя каким-то «венóm творения». Кри почесал когтем за ухом, отчего чешуйки зашелестели.

— Ты... странный, — констатировал он. — Тише. Скоро хозяин придёт.

— Какой хозяин?! — Валера потряс решётку, но та даже не дрогнула. — Ты что, меня в рабство вздумал? Да я тебе... я тебе... я тебе такое закачу! У меня друзья! Вован! Пашка! Они меня ищут!

Внезапно где-то вдали раздался тяжёлый, металлический скрежет, и гул нарастил частоту. Корабль (хотя Валера всё ещё был уверен, что это очень продвинутый спецфургон) явно куда-то двигался.

Кри насторожился, посмотрел куда-то вглубь коридора.

— Молчать, — ещё раз прошипел он Валере и, развернувшись, зашагал прочь, его тяжёлые ботинки глухо стучали по металлическому полу.

Валера смотрел ему вслед, всё ещё вцепившись в прутья.

— Иди, иди! Следствие веди! — крикнул он в спину. — Я тут посижу, подумаю, в какой суд на вас подавать! И чтоб соляру мою вернули! — добавил он уже скорее для себя, вспомнив про мелочь, оставшуюся в кармане.

Он отступил от решётки, снова осмотрел камеру. Всё так же пусто, серо и непонятно. Он присел на корточки в центре комнаты, в своей коронной позе. Поза «авторитета в ожидании». Спина к стене? Нет. Спина к двери? Тоже нет. Он сидел посередине, открытый, демонстрируя, что ничего не боится.

Внутри, конечно, было не так спокойно. Мысли крутились, как белка в колесе. «Новый метод допроса. Держат в одиночке, охранника в страшном костюме подставили. Ждут, пока сломаюсь. Классика. Но они не знают, с кем связались. Я, Вал, на районе не одну такую психушку прошёл. Щас главное — не показывать страха. Гнать волну. Требовать. Они любят, когда им докучают — быстрее отпускают».

Он вытащил из кармана мятый бумажник. Две сотни рублей, немного мелочи, потёртая фотография с выпускного (он там стоял сбоку, с ехидной улыбкой), и карточка из магазина «Пятёрочка» с тремя накопленными баллами. Ничего ценного. Телефон, слава богу, остался дома — заряжать забыл. «Значит, прослушки нет. Плюс».

Он засунул бумажник обратно и вздохнул. Тишина давила. Гул стал фоном, белым шумом. Он закрыл глаза, пытаясь представить, что сидит не в странной камере, а у себя

во дворе. Что вот-вот придут Пашка и Вован, и они продолжат спор про Терминатора, и будет смешно, и он снова будет всем заправлять.

Но когда он открыл глаза, его окружал всё тот же пульсирующий серый металл.

«Ничего, — сказал он себе мысленно, поправляя кепку. — Всё под контролем. Развели тут театр один. Посмотрим, кто кого. У меня понятия железные. А у них — только костюмы дурацкие».

И, решив, что на сегодня демонстрация силы и достоинства закончена, Валера Ковалев, он же старший района, устроился поудобнее на холодном полу, закинул руки за голову и принялся ждать. Ждать «хозяина», следователя, режиссёра этого бредового реалити-шоу — неважно. Он был готов. С «Сникерсом» или без.

Главное — кепка не слетела. Значит, корона на месте. А пока корона на месте, он всё ещё царь. Даже если царство в данный момент представляло собой клетку три на три метра где-то в недрах летящего непонятно куда и непонятно на чём инопланетного корабля-невольника. Но об этом Валера, конечно, ещё не догадывался. Он просто считал, что жизнь, как всегда, подкинула ему очередную несправедливую, но интересную задачку. А решать задачку — это его конёк.

Глава 2. Товар на невольничьем рынке

Следующее, что узнал Валера о вселенной — это то, что космические путешествия вызывают жуткую тошноту. Не было никаких красивых звёздных врат, мерцающих тоннелей или плавного скольжения в гиперпространстве. Был оглушительный, визжащий грохот, ощущение, будто его бросили в стиральную машину-автомат вместе с кирпичами, и дикая, карусельная вертиловка, от которой даже уши внутри черепа попытались свернуться в узелок. Когда всё закончилось, его вытряхнули на твёрдую поверхность, и он несколько минут просто лежал, глядя в потолок и молясь, чтобы внутренности остались на своих законных местах.

«Боже ж ты мой, — стучало в висках. — Это не спецфургон. У наших ментов нет таких технологий. Или есть, но они их используют только для того, чтобы по дороге на участок с похмелья окончательно добить. Негуманно. На жалость давят».

Его подняли — не грубо, но и не особо церемонясь. Зелёный охранник, Кри, что-то бормотал на своём скрипучем наречии, вставляя ему в ухо маленький, холодный шарик. Валера вздрогнул.

— Чего съёшь? Инфекцию занесёшь!

— Молчать. Переводчик, — буркнул Кри.

«Переводчик? Ага, значит, везут куда-то далеко. Может, в особый изолятор? Или на допрос в федеральный центр? Вот же ж жизнь, никогда никуда не выезжал дальше Подмоскovie, а тут сразу на федералов попал. Карьера».

Его повели по длинным, извилистым коридорам. Место, в которое они его доставили, напоминало то ли гигантский ангар, то ли бункер. Стены были из грубого, пористого металла, похожего на застывшую лаву. По ним бегали синие искры, как по оголённым проводам. Воздух был густым и пёстрым на запахи. Валера морщил нос, пытаясь разобрать этот коктейль. Пахло:

1. Кислыми, перезрелыми фруктами, такими, от которых щиплет в носу.

2. Старым машинным маслом и ржавчиной, как в дедушкином гараже.

3. Озоном — чистым, как после грозы.

4. И чем-то ещё... чем-то биологическим. Сладковатым, затхлым, как запах большой, немытой толпы в переполненном автобусе в сорокаградусную жару.

И звуки! Это был не просто гул. Это был настоящий симфонический оркестр из горловых бульканий, щелчков, свистов, скрипов и переливчатых трелей. Тысячи голосов говорили на тысячах непонятных языков, сливаясь в один непрерывный, оглушительный гомон.

«Ну всё, — с мрачной торжественностью подумал Вале-

ра. — Это не изолятор. Это концертный зал. Или съёмочная площадка самого дурацкого в мире фантастического сериала. Бюджет, я смотрю, не особо большой — костюмы дешёвые, массовка кривая. Но пахнут... убедительно».

Его привели к массивной металлической двери. Кри что-то пробормотал в панель на стене, дверь с шипением разъехалась в стороны, и Валера попал в ад. Или в рай для сумасшедшего дизайнера.

Он стоял на краю гигантского подземного пространства с низкими, сводчатыми потолками, от которых свисали гроздья каких-то светящихся шаров, заменявших люстры. Пространство было уставлено рядами каменных и металлических сидений, которые поднимались амфитеатром. И на этих сидениях... сидело ВСЁ.

Валера почувствовал, как волосы под кепкой встают дыбом. Его мозг, привыкший к стандартному набору «мужики, бабы, собаки, кошки», отказался воспринимать это зрелище целиком. Он сканировал обрывками.

Вот прямо перед ним, в первом ряду, сидело нечто, напоминавшее оживший стул из Икеи — угловатое, деревянное, с четырьмя ногами и парой глаз-сверл на спинке. Рядом плавало в прозрачном шаре, наполненном розовой жидкостью, желеобразное создание цвета заплесневелого апельсина. Оно пускало радужные пузыри.

Чуть дальше гордо восседал жук. Не жук, а ЖУК. Ростом с баскетболиста, с блестящим, изумрудным панцирем и уси-

щами, которыми можно было бы мешать бетон. Его сложные фасеточные глаза отражали всю толпу, как зеркальный шар на дискотеке.

Слева от жука дымил, как паровоз, металлический человек. Нет, не человек. Киборг. Половина его лица была живой, испещрённой шрамами кожей, а вторая половина — голлой стальной конструкцией с красным светодиодом вместо глаза. Из-под рваного плаща торчали какие-то шланги, из которых сочился пар.

А ещё были твари, похожие на ходячие кактусы, существа, состоящие из синего пламени, мерцающие голограммы, шестипукие гуманоиды в пышных одеждах... И всё это гудело, трещало, щёлкало, свистело.

«Мать честная... — мысленно прошептал Валера, чувствуя, как его «понятия» дают трещину. — Это... это ж не наши. Это вообще не наши. Это... инопланетяне. Настоящие. Значит, тот луч... и этот корабль... Блин. Я в космосе. В НАСТОЯЩЕМ космосе».

И тут его охватила не паника, а дикое, всепоглощающее возмущение.

«Какого чёрта?! Почему МЕНЯ? Я ж никого не трогал! Ну, почти никого. Я ж мирный пацан с района! Наверное, перепутали. Должно быть, хотели какого-нибудь учёного или космонавта похитить, а схватили меня. Типично! Как в жизни — всегда не в ту очередь встанешь».

Его толкнули в спину. Он очнулся и увидел, что его ведут

по центральному проходу вниз, к освещённой площадке в центре амфитеатра. На ноги ему надели массивные, но лёгкие кандалы, соединённые короткой цепью.

«Цепи. Непорядок. Это уже оскорбление личности. Надо будет с ними поговорить. По-хорошему. Или не очень».

Его вывели на круглую металлическую платформу. Сверху на него ударили лучи трёх мощных прожекторов. Он зажмурился, поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

— Э, потише там со светом! Зрение испортите! У меня и так астигматизм! — рявкнул он, но его голос потонул в общем гуле.

В свете прожекторов он, должно быть, выглядел жалко: невысокий, коренастый человек в потрёпанном спортивном костюме и кепке, шурящийся и явно не понимающий, куда попал.

На платформу взбежало (буквально, на четырёх ногах) маленькое существо. Оно было похоже на обезьянку, если бы обезьянку скрестили с гремлином и приделали ей четыре руки. На ней был пёстрый, слишком большой для неё камзол, а в верхних руках она держала что-то вроде микрофона из ракушки. Нижними руками оно отбивало какой-то дикий ритм по собственному животу, который служил барабаном.

Существо заверещало что-то на своём языке. Звуки были отрывистыми, щёлкающими, с булькающими вставками. И тут в ухе Валеры щёлкнул тот самый холодный шарик, и в его мозгу пронеслось:

«Ло-о-оты № 7341! Приматив с окраин Неизведанного Пояса! Планета... Земля-3? Классификация: дикарь! Телосложение слабое, биомасса низкая, пригоден для тяжёлых физических работ на астероидах или... в качестве корма для домашних питомцев категории «Хищник-любитель»! Начинаем торги!»

Валера стоял, открыв рот. Сначала он не понял. Потом понял. И его возмущению не было предела.

«ЧТО?! — закипело у него внутри. — Дикарь?! Я?! Король Шеметово?! «Корм для питомцев»?! Да я вас всех здесь... Ах, так! Понял! Это не аукцион. Это разводняк! Контора! Сбывают краденое! Наверное, украли меня, а теперь бабки срубить хотят с таких же лохов, как они сами! Надо действовать».

Аукционист продолжал тараторить, расхваливая его «первобытную ярость» и «непредсказуемость», что, по мнению продавца, могло развлечь скучающую инопланетную аристократию. Толпа гудела, кое-кто уже поднимал таблички с цифрами.

Валера не выдержал. Он дёрнул цепь так, что кандалы громко звякнули, перекрыв на секунду речь аукциониста.

— Э, четырёхрукий! Ведущий концерта! — гаркнул он так, что его голос, усиленный, видимо, чем-то на платформе, разнёсся по всему залу. Гул стих. Тысячи разнообразных глаз уставились на него. — Ты че, в натуре, врешь? Я не дикарь! Я — личность! Старший на районе! И кому я там ну-

жен — кормом? Вы что, с луны свалились? Хотя, стоп... — он оглядел толпу, — вы вроде как все с разных лун. Но суть! По пацански уважать забыли? Я не товар! Я человек! Понимаете? Гражданин галактики! Ну, или стану, как документы оформлю!

В зале повисла ошеломлённая тишина. Даже аукционист замер, его четыре руки застыли в воздухе. Товар не просто заговорил. Товар говорил с интонацией участкового, разносящего понты на вверенной ему территории. Это нарушало все правила, все протоколы и просто все представления о приличиях на рынке невольников «Дзета-Магазин».

Потом тишину разорвал звук. Сначала это был одинокий, дребезжащий хохот, похожий на звук ломающегося механизма. Потом к нему присоединился ещё один, похожий на бульканье воды в канализационной трубе. И вот уже весь зал сотрясался от смеха. Не злого, а изумлённого, почти восторженного. Это было лучше любого представления! Шестирукий аристократ в бархатных одеждах хохотал так, что из его многочисленных глаз текли маслянистые слёзы. Жук-гигант потирал лапками, издавая стрекот, похожий на гитарный перебор. Даже угрюмый киборг скривил свою живую половину рта в подобии улыбки.

Валера, слегка опешив, тут же вошёл во вкус. «Ага, смешно? Щас я вам посмеюсь. Развели тут цирк».

Инцидент на сцене привлёк внимание не только зрителей, но и конкретного покупателя. Из рядов поближе к сцене вы-

ползло (именно выползло) нечто. Это был огромный, пухлый Слизень. Он помещался в нечто вроде прозрачного скафандра на колёсиках, из которого наружу высовывались несколько толстых, покрытых блестящей слизью щупалец. Одно из щупалец заканчивалось не то пинцетом, не то маленькими блестящими щипчиками.

«О, — подумал Валера, наблюдая, как эта тварь с довольным видом подкатывает к самой сцене. — Фанат. Наверное, автограф хочет. Или сфоткаться. Ну, если культурно попросит — почему нет? Я не гордый».

Но Слизень повёл себя не как фанат. Он повёл себя как покупатель на рынке, выбирающий лошадь. Он протянул своё щупальце с щипчиками прямо к лицу Валеры, явно намереваясь оттянуть ему губу и проверить зубы.

Внутри Валеры всё перевернулось. Это был уже перебор. Цепи, продажа, оскорбительные характеристики — это ещё куда ни шло. Но лапаться?! Холодным, липким щупальцем?!

«Я тебе не банан, чтоб тебя чистить! — пронеслось в голове вместе с волной первобытного отвращения. — Сейчас я тебе устрою стоматологический осмотр по полной!»

Рефлекс сработал быстрее мысли. Когда холодный, склизкий наконечник щипчиков почти коснулся его губы, Валера резко дёрнул головой вперёд, делая вид, что хочет укусить. Одновременно он с силой плюнул в сторону щупальца.

— На хер отсюда, гнида! — проревел он. — Я тебе не жвачка! Руки, ну, щупальца, убережь, а то щас откушу и бу-

ду как зубную нить использовать!

Эффект превзошёл все ожидания. Слизень издал тонкий, пронзительный визг, похожий на звук надуваемого и тут же лопающегося шарика. Он дёрнул щупальце назад так быстро, что оно шлёпнулось о стекло его скафандра, оставив жирный блестящий след. Вся его тушка в прозрачном коконе затряслась от возмущения. Он что-то залопотал на своём языке, и переводчик в ухе Валеры выдал обрывки: «...некультурный... варвар... зубы не для проверки... оскорбление покупателя...»

Публика, наблюдавшая за этой сценой, взревела с новой силой. Теперь смеялись уже над самим Слизнем. Какой-то ходячий кактус тряс своими иголками, издавая звук, похожий на рассыпающиеся монеты. Жук-гигант стучал лапками по полу, как отбивая аплодисменты. Даже аукционист, кажется, забыл про свою роль и, схватившись за живот всеми четырьмя руками, хохотал, издавая звуки, похожие на чихание хорька.

Слизень, пурпурный от ярости (или это был его естественный цвет смущения), что-то выкрикнул в сторону аукциониста, развернул свой скафандр на колёсиках и, фыркая, поплёлся прочь, растолкав по пути пару мелких существ.

Аукционист, отдышавшись, вытер слёзы и снова обратился к залу, но его голос теперь звучал менее уверенно.

«Итак... лот 7341 демонстрирует... повышенную агрессию и... гигиеническую невоспитанность. Ставки... пере-

смаатриваются».

Интерес к «проблемному товару» резко угас. Кто захочет покупать дикаря, который плюётся и оскорбляет почтенных покупателей? Это же не раб, это головная боль на шее! Цифры на поднимаемых табличках стали совсем мизерными. «Корм для питомцев» — и тот больше не котиrowался.

Валера стоял, удовлетворённо наблюдая за происходящим. «Вот так-то. Поставил на место. Теперь, наверное, отпустят. Скажут: «Извините, ошибка вышла», дадут компенсацию, может, какую-нибудь местную валюту, и отправят домой. А я по дороге ещё сувениров прикуплю. Пашке — такую штуку, Вовану — такую».

Но вселенная, как обычно, имела на него другие планы.

Из тени под сводами, из ниши, где торговали запчастями от старых двигателей и ржавым инструментом, вышел новый персонаж. Он двигался медленно, не спеша, и его появление не вызвало ни смеха, ни ажиотажа. Это был рептилоид. Старый. Его чешуя, когда-то, наверное, блестящая, теперь была тусклой, местами облезшей, покрытой шрамами и подпалинами. Один из рогов над его желтым глазом был сломан. На нём была не броня, не роскошные одеяния, а потрёпанная, поношенная кожаная куртка человеческого (или около того) покроя, которая висела на нём мешком. В руке он держал щит — не боевой, а табличку, на которой была намалёвана кривая эмблема: что-то вроде звёздочки, окружённой мусором.

Это был капитан Гракк. И он смотрел на Валеру не как на раба, не как на диковинку и уж тем более не как на корм. Он смотрел на него как старый, опытный барахольщик смотрит на странную, ржавую, но потенциально интересную вещь на блошином рынке.

Гракк думал. Его мысли, конечно, не доносились до Валеры, но если бы могли, они звучали бы так: «Работяга? Нет. Слишком мелкий, слишком крикливый. Будет бунтовать. Корм? Надоела уже эта жижа из пищевого концентратора, но этот... слишком костлявый. Да и жалко как-то. А вот... зверь для коллекции. Да. Необычный. Говорящий. Агрессивный. Если посадить в клетку на «Черве», будет пугать конкурентов на свалках. «Не лезь, у меня там земной хищник сидит!». Или... просто чтобы было с кем словом перекинуться в долгих перелётах. Только кормить надо чем-то. Дёшево. Очень дёшево».

Аукционист, видя, что торговля зашла в тупик, уже собирался объявить лот неликвидом и отправить «образец» на утилизацию. Но тут поднялась табличка Гракка.

— Мешок биомассы третьего сорта, — прокрипел Гракк, его голос был похож на скрип несмазанных петель. — И две старые гравитационные батареи. Те, что уже почти сели.

В зале пронёсся шепоток. Это была не просто низкая цена. Это была цена мусора. Мешок биомассы — это переработанные органические отходы, которыми кормили самых неприхотливых существ. А севшие батареи годились разве что как

пресс-папье или на запчасти для совсем отчаянных механиков.

Аукционист посмотрел на Гракка, потом на Валеру, который стоял, насупившись, потом снова на Гракка. В его многочисленных глазах мелькнул расчёт. Избавиться от проблемного товара хоть за что-то — уже прибыль.

— Есть предложение! — взвизгнул он. — Мешок биомассы и две батареи! Есть ещё? Раз? Два?.. — Он оглядел зал. Никто даже не пошевелился. Все ещё давились от смеха, глядя на Слизня, который, фыркая, пытался оттереть слизь со своего скафандра. — ПРОДАНО!

Он ударил маленьким золотым молоточком по металлической пластине. Звонкий «дзынь!» прозвучал как приговор.

Валера наблюдал за этой пантомимой с растущим недоумением. Он видел поднятую табличку, слышал скрипучий голос рептилоида, видел, как аукционист что-то кричит и бьёт молоточком.

«Ну вот, — подумал он с облегчением. — Суд начался. Судья — тот, в кожанке. Прокурор, значит. Выслушает мою сторону, поймёт, что я невиновен, и выпишет протокол об освобождении. Может, даже компенсацию морального вреда. Требовать буду в местной валюте. И чтоб домой доставили. Первым классом».

К нему подошли два охранника, уже не Кри, а какие-то другие, более грузные, и взяли под руки.

— Понял, понял, сам дойду, — буркнул Валера, страхи-

вая их. — Ведите в кабинет к прокурору. Только цепи снимите, неудобно.

Но цепи не сняли. Его просто повели прочь с платформы, в сторону того самого рептилоида в кожанке. Тот стоял, сложив руки на груди, и изучающе смотрел на него своими холодными желтыми глазами.

«Строгий, — отметил про себя Валера. — Но справедливым выглядит. Видал виды. С ним можно договориться. На зоне я таких авторитетов на ура прокатывал. Главное — не лебезить, но и не нарываться. Показать, что ты свой в доску, но уважаешь старших».

Когда его поравняли с Гракком, Валера кивнул ему, как равному.

— Здравова, батя. Чего там по решению? Освобождение с извинениями? А то я, честно говоря, тороплюсь. Друзья волнуются, лапша дома без меня остывает.

Гракк не ответил. Он лишь жестом показал охранникам, куда вести «покупку». Его взгляд скользнул по спортивному костюму, задержался на кепке, и в уголке его безгубого рта дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее усмешку.

И вот, когда его уже уводили в один из тёмных проходов, ведущих из рыночного зала, Валера обернулся. Он увидел перед собой море инопланетных физиономий, которые провожали его взглядами — кто с насмешкой, кто с любопытством, кто с облегчением.

И он крикнул. Крикнул так, чтобы слышали все. Крик-

нул, потому что так было положено. Потому что уходить надо с достоинством, даже если тебя ведут под конвоем.

— Не больно! — прогремел его голос, заглушая на мгновение рыночный гул. — Я ещё вернусь! Суд потом будет! И чтоб соляру мою вернули! И кепку не трогать — она фирменная!

Его голос затерялся в общем гаме. Дверь за ним захлопнулась, отсекая свет и шум рынка. Он снова очутился в полумраке грубых коридоров, идущих куда-то вглубь станции. Рядом шагал его новый «прокурор» в потрёпанной кожанке.

Валера шёл, перебирая в голове аргументы для будущей беседы. Он был абсолютно уверен, что его ждёт серьёзный разбор полётов, возможно, с участием адвоката (ну, или того, кто его здесь заменит). Он даже начал в голове составлять речь: «Гражданин капитан, считаю свои права нарушенными по следующим пунктам...»

Он и представить себе не мог, что только что был куплен. Куплен за мешок мусора и две разряженные батарейки. Как экзотический хомяк. Как диковинная блоха. Как самая странная, самая дешёвая и, как вскоре выяснится, самая проблемная покупка в долгой и не самой успешной карьере капитана мусоровоза «Серый Червь» по имени Гракк.

А пока что Валера Ковалев, он же старший на районе, он же новоиспечённая собственность, шагал по коридору, уже планируя, как будет ставить на место местные порядки. Ведь он же не раб. Он — гость. Немного задержавшийся, против

своей воли, но гость. А гостя, как известно, надо уважать, кормить и ни в коем случае не трогать его кепку.

Глава 3. Трёп против гипноза

Если Валера и думал, что на космическом корабле его ждут зеркальные коридоры, голографические экраны и роботы, приносящие коктейли со зонтиками, то он жестоко ошибался. Камера, в которую его заперли на борту «Серого Червя», напоминала подсобку в самой дешёвой автомойке. Три на три метра, стены из грубого, пористого металла цвета запёкшейся грязи, потолок, по которому бегали дрожащие тени от единственного источника света — тусклой зеленоватой лампы, вмонтированной в решётку. Отсутствовало не только окно, но и намёк на что-либо, кроме голой металлической койки, прикрученной к стене, и дыры в полу, которая, судя по лёгкому вонючему сквознячку оттуда, исполняла роль всего на свете.

Койка скрипела. Стены вибрировали от глухого, неровного гула двигателей где-то в недрах корабля. Воздух пах озоном, металлической пылью и... рыбой. Не свежей, а той, что забыли в морозилке на пару лет, а потом разморозили.

Валера сидел на краю койки, раскачиваясь в такт вибрациям, и чесал нос. Он уже пересчитал все заклёпки на стене напротив (их было ровно 147, три из них ржавые), представил себе десять способов, как сбежать отсюда (все упирались в отсутствие отвёртки и наличие прочной двери), и даже попытался пообщаться с дырой в полу (та молчала).

«Ну, вот и села, — размышлял он с философским спокойствием обречённого. — Жизнь удалась. Сначала король района, потом экзотический хомяк на рынке, а теперь — постоялец камеры в межзвёздном бомжатнике. Карьерный рост, не иначе. Только вот прикуры нет. И телевизора. И даже газеты почитать. Скукота. На районе хоть драка какая, хоть милиция проедет с мигалками, а тут... тишина. Если бы не этот гул, можно было бы с ума сойти».

Он вздохнул, снял кепку, внимательно её осмотрел, сдул невидимую пылинку и водрузил обратно. Кепка была его талисманом, его короной. Пока кепка на месте — он всё ещё Валера, а не просто грустный человечек в заточении.

Внезапно гул двигателей слегка изменил тональность, и где-то далеко щёлкнули замки. Шаги. Тяжёлые, размеренные. Они приближались. Валера насторожился, принял более бравую позу — откинулся на койке, закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди. Вид «я тут самый расслабленный, вы мне не указ».

Дверь, которая была просто частью стены, пока её не трогали, с тихим шипением отъехала в сторону. В проёме возникла знакомая фигура в потрёпанной кожанке. Капитан Гракк. В этот раз он был не один. В одной из его когтистых лап он держал... штуковину.

Валера присмотрелся. Это был шлем. Но такой шлем не снился даже самым отчаянным поклонникам киберпанка. Он был сделан из матового чёрного пластика, оплетённо-

го десятками тонких, светящихся оптических волокон, которые переплетались, как щупальца. По поверхности бежали маленькие голубые огоньки-индикаторы. Спереди, там, где должно быть лицо, зияла тёмная пустота. Сзади свисали толстые пучки проводов, заканчивающиеся какими-то зазубренными коннекторами. В целом конструкция напоминала злобного металлического паука, который вот-вот прыгнет на лицо.

«Опа, — подумал Валера без особого страха. — Принесли головной убор. Может, хотя в команду записать? Выдать форму? Хотя дизайнер у них, видать, с приветом. Это ж на голову не надеть, это ж голову снести можно».

Гракк вошёл в камеру. За ним дверь снова закрылась. Рептилоид посмотрел на Валеру своими холодными жёлтыми глазами, затем поднял шлем. Волокна на нём засветились ярче, зажужжали.

И тут в ухе Валеры щёлкнул холодный шарик-переводчик. Но голос, который прозвучал, был не скрипучим голосом Гракка. Это был безэмоциональный, металлический голос, как у плохого голосового помощника, который вот-вот зависнет.

— **Объект: Землянин. Применяю устройство принудительного подчинения «Смиритель Разума, модель 7-Б». Процедура обеспечит подавление волевых импульсов и установку базовых команд лояльности. Приготовься.**

Валера моргнул. Его мозг, привыкший переводить всё на свой, пацанский уклад, мгновенно проанализировал инфор-

мацию.

«Устройство принудительного... Смиритель... Ага, понятно. Это типа детектор лжи. Или аппарат для допросов. Чтоб сознался, что я — шпион с Земли. Или что я украл секрет тёртой морковки. Ну, развели тут театр. Надо мной эксперименты ставят».

— Э, стой, стой, батя, — поднял руку Валера, демонстрируя открытую ладонь — жест мирный, но решительный. — Не надо мне на башку никакой аппаратуры ставить. У меня, во-первых, давление скачет. Мама говорила — метеочувствительный. Во-вторых, я аллергик на несертифицированную электронику. Высыпать может. В-третьих, — он ткнул пальцем в сторону шлема, — это ж явно б/у. Где гарантия, что не бьёт током? Я вас потом за вред здоровью засудить могу. У нас на Земле за это серьёзно прессуют.

Гракк, казалось, проигнорировал весь этот словесный поток. Металлический голос переводчика бубнил что-то про «подготовку к сканированию нейронных связей». Рептилоид сделал шаг вперёд.

— Не подходи! Я предупреждал! — Валера отодвинулся к стене, но отступать дальше было некуда.

Гракк был сильнее и, видимо, опытнее в надевании шлемов на непослушный груз. Он ловко, почти по-медицински, накрыл устройством голову Валеры. Холодный пластик прижался к вискам, щупальца из оптических волокон обвили его шею и защёлкнулись с лёгким, но зловещим *клик-клик*.

Спереди тёмная панель опустилась, закрыв обзор. Валера оказался в полной темноте, если не считать тусклых бликов от светящихся индикаторов, проникавших сквозь щели.

— **Инициализация. Сканирование начато, — прозвучало у него в голове, теперь уже без посредничества уха. — Поиск центра воли. Поиск триггеров страха. Поиск зон логического анализа. Установка базовой команды: «Слушаться хозяина Гракка».*

«Вот же ж железяка, — подумал Валера, чувствуя странное, давящее тепло в черепе. — Влезла в мозги без спросу. Беспардонные. Сейчас они там мои мысли читают... Ой, а что они увидят?»

И в этот момент высокотехнологичный «Смиритель Разума, модель 7-Б» впервые в своей, вероятно, долгой и успешной карьере столкнулся с феноменом человеческого мозга Валеры Ковалева.

Система углубилась в нейронные джунгли, ожидая найти аккуратные ряды логических построений, чётко очерченные зоны страха (пауки, высота, налоговая), инстинкт самосохранения в виде яркой красной кнопки «БЕГИ!». Вместо этого она провалилась в хаос.

Первое, что она нащупала — это навязчивый мотив из рекламы доширака десятилетней давности, который крутился в голове Валеры на постоянной основе. «Вкусно-о-о! Быстро-о-о!»

Затем — обрывки диалогов из боевиков 90-х. «Я устал,

я ухожу», «Всё пропало, шеф!», «Это не человек, это — желе!».

Потом — воспоминание о вкусе шашлыка, который он ел прошлым летом у дяди Миши в Подмосковье. Сочное, с дымком, с хрустящей корочкой... и тут же, рядом, схема, как правильно разобрать рулевую рейку от «Жигулей» девятой модели, потому что на десятой всё по-другому.

Потом — рифмы из дворовых баттлов: «Ты слабый, как братва без соляры, твои потуги — просто халтура!».

Потом — беспокойство о том, выключил ли он утюг перед тем, как его похитили (выключил, он всегда выключал).

Потом — внезапная мысль, а не пора ли поменять шнурки на кроссовках.

Это был не поток сознания. Это был водопад, торнадо, цунами из абсолютно бессвязной, перепутанной, эмоционально окрашенной и совершенно иррациональной информации. «Смиритель Разума» попытался проанализировать мелодию рекламного джингла на предмет скрытых команд. Он попытался связать схему рулевой рейки с центром страха. Он попытался перевести «соляра» и «халтура» на двести галактических языков и не нашёл аналогов. Его процессоры начали греться.

Валера почувствовал это тепло. И давление. Будто кто-то тупым пальцем тыкал ему в мозг, пытаясь нащупать выключатель.

«Ага, — сообразил он. — Допрашивают. Давят. Хотят,

чтоб я признался, что я... шпион! Или что я хочу сбежать! Надо сбить их с толку. Надо гнать волну. Такую волну, чтоб у них самих предохранители полетели».

И он открыл рот. Вернее, его открыл поток сознания, который не мог больше сдерживаться.

— Окей, окей, я всё понимаю, — начал он, и его голос, слегка приглушённый шлемом, прозвучал в маленькой камере. — Вы хотите правды? Я вам дам правды. Но только полной. Так вот, слушайте сюда. Год две тысячи... э-э-э... десятый, кажется. Лето. Жара. У моего кореша Вована, того, что Шпон, возникли проблемы с транспортным средством. А именно — с «Жигулями» шестой модели, салатового цвета, с бархатными сиденьями, которые он у дяди из Ростова приобрёл. Проблема была в рулевой рейке. Она стучала. Как отбойный молоток. А Вован, он же ленивый, он говорит: «Вал, давай её выбросим и новую купим». А я ему: «Вован, ты что, с дуба рухнул? Новая — это деньги! А мы можем починить!». И пошли мы в гараж. А в гараже пахнет маслом, бензином и... грибами. Потому что в углу у дяди Васи ведро с опятами стояло. Ну, ладно. Берём мы эту рейку...

Голос Валеры лился непрерывно. Он подробно, с техническими деталями, которые сам наполовину придумывал, описывал процесс разборки и починки рулевой рейки. Потом, не переходя на новую строку, он вдруг запел:

— «Я уста-ал, я ухожу-у, в чистом поле дожди-и-и...» — и тут же добавил: — Кстати, о дожде. Пятна от машинного

масла на джинсах лучше всего выводить средством для мытья посуды. Но только не гелем, а именно жидкостью. И тряпочка должна быть микрофибра. Иначе разотрёшь, и будет пятно ещё больше, как у Феди с девятого, когда он...

Он перешёл на историю про Федю, который испортил свои новые штаны, пытаясь оттереть варенье бензином. Потом снова вернулся к «Жигулям», вспомнил, что забыл рассказать про сайлентблоки. Потом начал цитировать фразы из разных фильмов, вставляя их в рассказ о походе в магазин за хлебом.

— ...иду я, значит, а навстречу мне мужик, и такой: «А вот и наш клиент!». А я ему: «Чего клиент? Я за хлебом!». А он: «Хлеб — всему голова!». И пошёл. Я, конечно, купил «Бородинский». Он, может, и чёрный, но душистый. В отличие от вашей местной... субстанции, которую мне на завтрак прислали. Это ж есть нельзя! Это же можно только заливать в трещины на асфальте! Или клеить обои! Я вам, кстати, могу мастер-класс дать, как обои клеить, чтобы не пузырились. У меня дядя штукатур, он меня...

Тем временем с «Смирителем Разума» творилось нечто невообразимое. Индикаторы на его поверхности, которые изначально горели ровным синим светом, начали бешено менять цвета. Синий ->жёлтый (обнаружена нестандартная нейронная активность). Жёлтый ->красный (перегрузка в секторе анализа образов). Красный ->фиолетовый (критическая ошибка в модуле перевода идиом).

Голубые огоньки замигали в хаотичном, судорожном ритме, как гирлянда на новогодней ёлке во время короткого замыкания. Из-под шлема пошёл лёгкий дымок, пахнувший палёной микросхемой.

Гракк, наблюдавший за процедурой стоя в углу, нахмурился. У него был портативный монитор, подключённый к шлему. На экране прыгали графики и цифры. Уровень «интеллекта/адаптивности» объекта скакал с катастрофической скоростью: 2% (примитивные моторные функции) ->98% (сложное техническое моделирование) ->5% (эмоциональный отклик на пищевые раздражители) ->150% (что?! Перегрузка шкалы!) ->0% (обнаружена зона, похожая на глубокий сон, но объект продолжает говорить о... клее для обоев?).

— Что происходит? — прошипел Гракк, больше самому себе. Его скрипучий голос не был переведён. — Аппарат неисправен? Или этот примат... настолько примитивен, что система не может найти точку входа? Нет... он слишком сложен. Слишком... хаотичен.

А Валера уже разошёлся вовсю.

— ...вот и получается, что главное в жизни — не количество соляры в кармане, а количество настоящих пацанов вокруг. Потому что с пацанами ты и рейку починишь, и доширак раздобудешь, и от ментов уйдёшь. А без пацанов ты как тот «Жигуль» без колёс — металлолом. Хотя, металлолом тоже деньги. Мы с Пашкой как-то раз...

****ВНИМАНИЕ: КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА МОДУЛЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА, —** завопил металлический голос прямо в мозг Валеры, но тот уже не слушал. — **ПОПЫТКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЫ: «ЧЁ ПО ЧЕЛАМ?».** ЗАПРОС НА СОПОСТАВЛЕНИЕ С 247 ГАЛАКТИЧЕСКИМИ ЯЗЫКАМИ... ОШИБКА... НЕСООТВЕТСТВИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ... ПОИСК АНАЛОГА СЛОВУ «ЧЕЛ»... ОБНАРУЖЕНЫ ТОЛЬКО ТЕРМИНЫ ДЛЯ ГОЛОВЫ, СОСУДА И МЕЛКОГО ХИЩНОГО СУЩЕСТВА... СИСТЕМНЫЙ СБОЙ...**

Раздался звук, похожий на хруст сотни сухарей одновременно. Светящиеся волокна на шлеме вспыхнули ослепительно белым, а затем погасли. Из-под пластика повалил густой, едкий чёрный дым с запахом горячей пластмассы и чего-то химического. Раздался ещё один, более громкий треск, и шлем, издав предсмертный писк, тяжёло, как спелая дыня, свалился с головы Валеры на металлический пол с оглушительным грохотом. От него отскочило несколько кусков обгоревшего пластика. Индикаторы больше не горели. Только дым, стелющийся по полу.

— Опа! — воскликнул Валера, зажмурившись от вспышки. Он потёр переносицу, которую шлем при падении задел застёжкой. — Коротнуло! Я ж говорил, батя, проводка у вас хиловата. И аппаратура несертифицированная. На наши сети не рассчитана. У нас вон в подъезде, когда все чайники включают, тоже свет мигает, но чтоб так... это ж надо было

умудриться.

Он открыл глаза и увидел Гракка. Капитан «Серого Червя» замер, уставившись на дымящуюся грудку металлолома, которая ещё минуту назад была его дорогостоящим «Смирителем Разума». Его чешуйчатая морда выражала целую гамму чувств: шок, недоверие, ужас и медленно нарастающую ярость, смешанную с отчаянием. Этот шлем стоил... о, он даже не хотел думать, сколько он стоил. Половина прибыли от прошлой удачной свалкой? Возможно.

Его желтые глаза медленно поднялись от обломков к Валере. Взгляд был уже совсем другим. Это был не взгляд на зверя, не на раба, не на диковинку. Это был взгляд на опасный, непредсказуемый, дорого обошедшийся *аномальный объект*. Что-то вроде живого, говорящего реактора на грани взрыва.

Валера мгновенно уловил эту перемену. И в нём, как по щелчку, включился режим «переговоры с начальством после того как ты всё обломал». Нужно было брать инициативу. И он взял.

Он неспешно поднялся с койки, расправил плечи под своим спортивным костюмом, поправил кепку, которая, к счастью, уцелела. Затем он посмотрел прямо на Гракка, и его взгляд был полон не упрёка, а снисходительного понимания, как у старшего товарища, объясняющего младшему его ошибки.

— Видишь, батя? — сказал он спокойно, даже мудро. —

Техника твой не вывезла. Я ж предупреждал — давление, аллергия. Но ты не послушал. А теперь кто виноват? Аппарат виноват. Потому что он тупой. Железяка. А я — живой. Я человек сложный, многослойный. Как тот самый «Бородинский» хлеб. Снаружи — грубоват, может, но внутри — душа, мысли, чувства. Меня нельзя просто так взять и сломать, как твою железяку. Меня можно только... договориться.

Он сделал паузу, давая словам впитаться. Гракк молчал, только его ноздри слегка раздувались.

— Ладно, — продолжал Валера, делая широкий жест, как будто великодушно прощая огромный долг. — Давай так. Я понимаю, ты потратился. Инвестиция не удалась. Бывает. Но и я не злой. Я у тебя работать не буду за спасибо. Это ниже моего достоинства. Я ж не раб, я — специалист. Широкого профиля. Но и драть тебя за сломанный хлам не буду. Мы же культурные люди. Вернее, я — человек, ты... тоже, наверное, что-то вроде. Поэтому выдвигаю условия. Первое: кормить будешь по-человечески. Не этой жижей, которая пахнет носками после марафона. Второе: цепи и все эти штуки — снять. Я ж не преступник. Я — вынужденный попутчик. И третье, самое главное: мне мою кепку верни. Её когда снимали, перед тем как на этот... скафандр надевать. Она моя, личная. Без неё я — не я.

Он замолчал, скрестив руки на груди, всем видом показывая, что сказал всё, что хотел, и теперь ждёт ответа.

Гракк смотрел на него. Его мозг, более привычный к про-

стым схемам «купил ->подчинил ->использовал», лихорадочно работал. Варианты:

1. Убить это существо. Но тогда инвестиция (мешок биомассы и батареи) окончательно потеряна. И кто знает, не взорвётся ли оно при смерти, как этот шлем?

2. Выбросить в шлюз. Та же потеря инвестиции.

3. Попробовать снова подчинить. Но другой «Смиритель» стоит целое состояние. И нет гарантии, что эта тварь не спалит и его.

4. Послушать его. Он странный, хаотичный, но... он говорит. И в его речи, сквозь весь этот бред, иногда проскальзывали интересные идеи («специалист широкого профиля»). А главное — он явно не боится. А существо, которое не боится, но при этом не нападает... это либо полный идиот, либо... непредсказуемый ресурс.

Жадность, прагматизм и элементарное любопытство взяли верх над гневом. Гракк кивнул. Один короткий, резкий кивок.

— Хорошо. Будешь работать. На корабле всегда есть работа. Но делай то, что я скажу. И если сломаешь ещё что-то... — он бросил взгляд на дымящиеся обломки, — ...выброшу тебя в космос без скафандра. Понял?

«Понял» — это было то слово, которое Валера услышал громко и ясно, без переводчика. Всё остальное было скрипучим бормотанием, но смысл был понятен.

Лицо Валеры расплылось в хитрой, довольной улыбке. Он

протянул руку для рукопожатия, но Гракк только скептически посмотрел на его ладонь.

— Договорились, батя! — бодро сказал Валера, не смутившись, и похлопал себя по груди. — старший на районе Вал на связи. Покажи, где тут у вас что делать надо. Гальюны драить, палубы мыть... Я хоть и специалист широкого профиля, но с низов начинать не боюсь. Главное — чтоб швабра была нормальная, а не как тот шлем.

Гракк, всё ещё хмурый, но уже более заинтересованный, чем разъярённый, жестом показал ему следовать. Дверь снова открылась. Валера шагнул из своей камеры в коридор корабля, окинул его оценивающим взглядом (грязно, ржаво, провода кое-где торчат) и с решительным видом поправил кепку.

Первый раунд он выиграл. Не силой, не хитростью в классическом понимании, а просто... самим собой. Своим безумным, неудержимым, абсолютно земным потоком сознания, который оказался самым мощным оружием против инопланетных технологий.

«Ничего, — думал он, шагая за Гракком по звенящим металлическим трапам. — Освоимся. Главное — попасть на кухню. Или в какой-нибудь техотсек. Там я себя покажу. А пока... что ж, галюн так галюн. И в космосе люди... ну, или не совсем люди... тоже ходят в туалет. Значит, и там нужен порядок. Наводить порядок — это мне по чину».

И он уже представлял себе, как будет командовать

шваброй, как дирижёр палочкой, совершенно не подозревая, что очень скоро эта самая швабра станет его скипетром, а грязные полы «Серого Червя» — первой территорией его будущей космической империи.

Глава 4. Искусство не убирать

Тишина в камере была особого свойства. Это не была тишина пустоты или покоя. Это была густая, вязкая, звенящая тишина, которую нарушал только отдалённый, монотонный гул двигателей и изредка — тяжёлые, мерные шаги патруля за дверью. *Тук-тук-скрип... тук-тук-скрип...* Будто кто-то огромный и неуклюжий бесконечно расхаживал по металлическому коридору.

Валера сидел на своей койке, скрестив руки на груди, и выглядел при этом не как узник, а как стратег, обдумывающий гениальный план по захвату мира. Ну, или по крайней мере, по захвату бутерброда с колбасой. Но колбасы не было, поэтому приходилось думать о мире. Вернее, о корабле.

Прошло уже несколько часов с момента инцидента со «Смирителем Разума». Его оставили в покое. Видимо, Гракк размышлял над его участью, или искал инструкцию по эксплуатации землян на галактических аукционах. Но Валера не привык ждать, когда судьба сама о нём позаботится. Он привык её подгонять. Пинать. И указывать ей направление.

«Сидеть тут — не вариант, — размышлял он, наблюдая за игрой теней на потолке. — Надо выходить. Наводить контакты. Изучать обстановку. А для этого нужен доступ. И статус. Пока я тут в камере — я мусор. Как только выйду — стану... ну, хотя бы полезным мусором. А там видно будет».

Шаги снова приблизились. За дверью замер силуэт — большой, угловатый. Охранник. Валера решил, что пора начинать.

Он поднялся, подошёл к двери и начал барабанить по металлу кончиками пальцев. Не просто так, а выбивая чёткий, залихватский ритм, похожий на вступление к какой-то дворовой песне. *Тра-та-та-та-там-там-трам!*

Силуэт за дверью вздрогнул. Раздалось недовольное ворчание.

— Прекрати. Спать мешаешь.

— А ты передай капитану, — сказал Валера, не прекращая барабанную дробь. — Передай, что у меня к нему деловое предложение. Очень деловое.

— Капитан спит. И ты спи.

— Он не спит, — уверенно парировал Валера. — Он думает. Думает, как поднять эффективность своего корыта. А я знаю, как. Скажи ему: у меня план по улучшению КРІ его посуды. Иначе он будет на этой ржавой бочке летать до самой своей рептилоидной пенсии, и то не накопит на новый двигатель.

За дверью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.